

ря. Если возможно, расписание Ваших дневных репетиций. Когда предполагается генеральная и т.д. Мы пойдем с Вами на Неву, в балет, на музыку, в Эрмитаж, в Михайловский сад. Мы отправимся к нашему верному другу льву. Видно, он соскучился...» (Мраморные львы на Елагином острове. — прим. ред.)

1947 год, дата не сохранилась.

«<...> Да, мне бы хотелось развеселить Вас. Но вот уже четвертый день мне очень худо. <...> Сейчас в Ленинграде идет последний акт «Встречи с юностью» (спектакль по пьесе Арбузова, в котором играла Ольга Аросева — прим. ред.). Скоро Вы разгримируетесь и пойдете домой. Вы пойдете домой. Вы пойдете домой. <...> Я понимаю, что Вы существуете на свете, что Вы есть, но как далеко! Далеко во всех смыслах. Оля, мне бы следовало сесть на поезд и уехать в Ленинград. Сегодня или завтра. Но этого нельзя, нельзя, нельзя. Сотни глупых, больших и малых дел держат меня, и все это похоже на дурной сон, когда хочешь проснуться и не можешь. <...>»

Октябрь 1947 года.

«<...> Репетиции в театрах, и глупая обязанность говорить актерам то, что они и сами знают, если не дураки. А если дураки, то все равно не поймут. И потом, все время надо куда-то звонить по телефону. А мне никого не нужно. Никого. Кроме одной актрисы в Ленинграде. Но все-таки я звоню им, а не ей».

20 декабря 1947 года.

«Ты не велела писать писем. Но я все-таки пишу и не могу иначе. <...> Вероятно, оно придет некстати. Ну что ж, пусть. Имею ли я еще право писать тебе на «ты»? Ведь все забудется — и львы на Елагином, и ограждение в воде, и цветы, что ты принесла мне утром 7 ноября. Я писал стихи о тебе, но больше не могу зарифмовать свои чувства к тебе. <...>»

Кавказ, Самгредиа. 24 апреля 1948 года.

«<...> В двадцатых числах мая я вернусь в Москву. Я приду в шестое почтовое отделение и спрошу, нет ли на мое имя писем из Ленинграда? Там живет женщина, которую я считал своим другом. И я хотел бы получить от нее пять-шесть простых человеческих слов. А если мне скажут, что нет писем из Ленинграда, я пойму, что это знак ее окончательного прощания. <...>».

Неотправленное письмо Ольги Аросевой

«Дорогой Алексей Николаевич! Прошло всего полвека, и наконец-то я решила Вам ответить.

Почему не сделала этого раньше, хотя Вы так об этом просили?

Вы обрушили на мой неподготовленный двадцатилетний разум такой шквал бурных чувств <...>, что каждый раз, берясь за перо, я понимала, каким убожеством будут выглядеть мои косноязычные признания. А — главное — по молодости я была, очевидно, очень рассудительна. Не то что я не верила в искренность Ваших чувств, но они, думалось мне, не очень надежны. И оказалась пра-

ва. Ведь не боялись же Вы через какое-то время уехать от меня — не умерли, не сошли с ума, и то, как сложилась дальнейшая Ваша, да и моя жизнь, подтвердило, что мы прекрасно и интересно ее прожили с другими людьми.

Да, наверное, нам было бы хорошо вместе. Но ненадолго. А теперь Вы останетесь со мной в ваших письмах навсегда.

Когда мне приходится бывать в Ленинграде, теперь уже Санкт-Петербурге, я хожу по «нашим» местам и помню каждый день, проведенный с Вами. Их было так немного...

Знаю, что чувство к Вам было самым сильным и самым красивым в моей жизни. Прощайте, теперь уже — до свидания.

Оля Аросева».

Материал подготовила
Алла ШЕНДЕРОВА

Зиновий Гердт ездил за границу с сорок девятого года, и у него накопилось там много знакомых. Был среди них и японец, славист по специальности. Этот удивительный японец говорил по-русски.

Однажды Гердт спросил своего знакомого при встрече, чем тот сейчас занимается.

— Пишу диссертацию, — ответил японец.

Гердт поинтересовался темой, и японец с поклоном ответил:

— Ранний Блок.

Гердт сначала немного испугался, а потом спросил: кому в Японии нужен Блок, тем более ранний? Японец немного подумал и ответил: — Мне.

Константину Райкину пришла журналистка из светского журнала — и спустя несколько секунд выяснилось, что она, как говорится, не в материале. То есть совсем.

В худруке «Сатириконе» разыграла педагогическая жилка — он предложил журналистке хорошенько подготовиться к интервью, почитать прессу, посмотреть спектакли театра... Журналистка позвонила через месяц и доложила о завершении ликбеза. Педагогический талант Кости торжествовал. Была назначена новая встреча. Чай, диктофон на столе...

— Ну, — сказала журналистка, — первый вопрос, Константин... Просните, как вас по отчету? ■

